

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

ЗАГОВОР РЕАКЦИИ ПРОТИВ ЖОРЕСА

Член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович

31 июля 1914 г., накануне первой мировой войны, в Париже злодейски был убит выдающийся деятель рабочего движения, мужественный и самоотверженный борец за мир, демократию и социализм Жан Жорес. Убит он был за то, что всеми своими силами противился развязыванию империалистической войны, до самой последней минуты противодействовал попыткам реакционных, шовинистических кругов толкнуть народы на путь кровопролитных войн. 31 июля 1914 г. Жорес был убит, а 1 августа 1914 г. началась первая мировая война.

Чрезвычайно привлекательна самая личность Жореса. Смелый, решительный, всегда твердо отстаивавший свои убеждения, честный и прямой, о себе не думавший и себя забывавший ради дела, которому он служил, простой и обходительный в обращении с людьми, Жорес пользовался симпатией всех, кто знал его и с кем он работал. Блестящий политический оратор, трибун, привлекавший к себе симпатии широких кругов трудящихся, всех передовых и честных людей, сторонников прогресса и демократии, Жорес постоянно возбуждал ненависть реакционеров и шовинистов. На него возводилась клевета, он подвергался травле. Жорес был выдающимся ученым, социологом и историком, автором многочисленных научных трудов, в том числе четырехтомной истории Французской революции 1789—1794 годов (есть русский перевод). Он возглавил Французскую социалистическую партию в 1902 году. В 1904 г. Жорес основал газету «L'Humanité» и до самой своей смерти являлся ее бессменным редактором (с образованием Французской коммунистической партии «Юманите» стала в 1920 г. органом ЦК ФКП). В течение многих лет Жорес был членом палаты депутатов, где он постоянно отстаивал прогрессивные, демократические реформы¹.

Велика и значительна деятельность Жореса в борьбе за мир, против развязывания империалистических, несправедливых войн. Когда Франция напала на Марокко и превратила эту страну в свою колонию, Жорес решительно выступил против агрессии. В палате депутатов Жорес возражал против предоставления правительству дополнительных кредитов на военные операции. Он был глубоко враждебен русскому царизму и резко обличал его реакционную политику. Но он никогда не отождествлял царизм с самой Россией и высоко ценил русский народ. Не раз он выступал в защиту первой русской революции. В «Юманите» от 23 октября 1912 г. Жорес писал: «Россия готовится стать ввиду громадной силы ее рабочих державой цивилизации и справедливости: она скоро будет, в результате усилий ее пролетариата, одним из наиболее чудесных ресурсов человеческой расы»².

Жорес не был последовательным марксистом. Его взгляды и деятельность носили на себе черты реформизма и оппортунизма. Он делал безнадежные попытки «подправить» марксизм в духе идеализма. Но его самоотверженная борьба против реакции, милитаризма и шовинизма, в защиту интересов трудящихся снискала ему высокое уважение прогрессивных людей всего мира, которые свято чтят его память.

Обстановка, в которой произошло убийство Жореса, и обстоятельства этого убийства были следующие. 28 июня 1914 г. боснийский студент Гаврило Принцип в г. Сараево убил наследника австрийского престола Франца-Фердинанда и его жену. Это послужило непосредственным поводом для предъявления Австро-Венгрии ультиматума Сербии и для последующего объявления мобилизации. Угроза войны, в которую не-

¹ См. Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. 1. М. 1960, стр. 159—177; А. З. Манфред. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М. 1961 (очерк «Ж. Жорес — борец против реакции и войны»); Ж. Жорес. Против войны и колониальной политики. М. 1961; Ch. Rappoport. Jean Jaurès. L'homme. Le penseur. Le socialiste. Avec une lettre d'Anatole France. P. 1925; M. Auclair. La vie de Jean Jaurès, ou la France d'avant 1914. P. 1955; М. П. Павлович. Смерть Жореса. Пгтр. 1916; F. Challaue. Jaurès. P. 1948.

² F. Challaue. Op. cit., p. 62.

избежно втягивались многие страны, приблизилась вплотную. 7 июля 1914 г. во французской палате депутатов обсуждался вопрос о предоставлении правительству средств на поездку в Россию президента республики Пуанкаре и председателя совета министров Вивиани, чтобы побудить правительство России принять участие в войне. Жорес выступил в палате депутатов против этого предложения. Но палата вотировала кредиты.

14—19 июля в Брюсселе состоялась внеочередная сессия Второго Интернационала. Жорес отстаивал на сессии предложение об объявлении всеобщей забастовки в случае объявления войны. Предложение Жореса было тогда принято. В связи с этим выступлением Жореса французская реакция стала всячески поносить его, именуя изменником и немецким агентом. «Пруссак Жорес», «агент Вильгельма II» — подобными наименованиями пестрели страницы газет. Реакционный журналист Морис де Валефф писал в «Paris-Midi» от 17 июля 1914 г.: «Если накануне войны генерал даст команду четырем солдатам и капрану поставить к стенке гражданина Жореса и всадить ему в мозг недостающую там пулю,— не думаете ли вы, что этот генерал лишь исполнит свою элементарную обязанность? Да, это так, и я ему в этом помог бы»³. Другой реакционный автор, Леон Додэ, относительно одной антивоенной статьи Жореса писал: «Мы никого не хотим подстрекнуть к политическому убийству. Но пусть трепещет г. Жан Жорес! Его статья способна внушить какому-либо иступленному желание выяснить экспериментальным образом, не изменилось ли бы что-нибудь в неизбежном ходе событий, если жребий Кальметта падет на Жореса»⁴.

25 июля Жорес выступал в Вэзе, около Лиона, на собрании, посвященном дополнительным выборам в палату депутатов. В своем выступлении Жорес говорил: «Граждане! Я хочу вам сказать в этот вечер, что никогда за последние сорок лет Европа не была в положении более угрожающем и трагичном, чем то, в котором мы сейчас находимся... Европа бьется, как в кошмаре. Хорошо же! Граждане, во мраке, который нас окружает, я все еще надеюсь на то, что именно ввиду чудовищности угрожающих нам бедствий в самую последнюю минуту правительства опомнятся и нам не придется трепетать от ужаса при мысли о бедствиях, которые принесет теперь европейская война».

28 июля 1914 г. австро-венгерский император Франц-Иосиф подписал объявление войны Сербии. 29 июля в Брюсселе на Бюро Социалистического интернационала обсуждалось создавшееся положение. На этом заседании присутствовали представители социалистических партий различных стран: от Франции — Жорес и Гед, от Германии — Гаазе и Роза Люксембург. Выступая на заседании Бюро Интернационала, Жорес говорил: «Правители хотели бы быть великими; они ведут народы к краю пропасти; но в последний момент они колеблются; конь Аттилы встревожен, но спотыкается. Необходимо, чтобы это колебание мы использовали для поддержания мира». 30 июля Жорес вернулся в Париж и узнал, что Россия объявила мобилизацию. Вечером того же дня он с делегацией был принят председателем совета министров Вивиани, которого убеждал не делать шагов, могущих развязать войну. В этот же день реакционный автор Урбэн Гойе писал: «Если во Франции сейчас есть вождь, который является мужчиной, г. Жорес будет приставлен к стенке вместе с объявлением о мобилизации»⁵. А вечером 30 июля Жорес выступил в «Юманите» со статьей, в которой вновь призывал не допустить войны. Он писал: «То, что сейчас особенно важно, это непрерывность действий, постоянное бодрствование мысли и совести рабочих».

Настало 31 июля 1914 года. Жорес участвовал в собрании социалистической группы депутатов парламента, затем беседовал с министром внутренних дел Мальви, уговаривая его сделать все возможное, чтобы предотвратить войну. После этого Жорес с делегацией направился к председателю совета министров Вивиани, но последний был занят с германским послом, поэтому Жореса принял помощник государственного секретаря Абель Ферра, из беседы с которым Жорес понял, что все потеряно.

Около 8 ч. вечера Жорес с руководящими деятелями социалистической партии Реноделем и Лонге был в редакции «Юманите». Он должен был еще подготовить статью против войны для завтрашнего номера газеты. Так как Жорес и его сотрудники еще не обедали, они решили зайти в кафе Круассан, на углу улиц Круассан и Монмартр. Лонге посоветовал Жоресу не ходить в это кафе, так как там бывают участники крайней реакционной организации «Королевские ребята» («Les Camelots du roi») и это может быть опасно. Поэтому он предлагал пойти в кафе «Золотой петушок». Но Жорес не согласился. Все пошли в кафе Круассан и расположились за длинным мраморным столом, непосредственно у входа в кафе, налево от двери. Жорес сел на скамейку спиной к открытому окну, выходящему на улицу.

Когда обед заканчивался, сотрудник газеты «Bonnet Rouge» Рене Дольс, обедавший за соседним столом, подошел к столу Жореса и показал одному из его спутников цветную фотографию своей маленькой дочки. Жорес заинтересовался, взял фотографию, спросил о возрасте ребенка и сказал отцу лестные слова. Было без двадцати минут восемь. В этот момент чья-то рука отдернула с улицы занавеску, прикрывавшую окно, и раздались два выстрела. Жорес упал. Испуганный женский голос закричал: «Жорес

³ M. Auclair. Op. cit., p. 615. См. также L. Jouhaux. A. J. Jaurès. P. 1915; M. Veer. J. Jaurès. V. 1918; M. L. a. i. r. Jaurès et Allemagne. P. 1935.

⁴ F. Challaye. Op. cit., p. 70. «Жребий Кальметта» — смерть от руки убийцы.

⁵ M. Auclair. Op. cit., pp. 633, 634.

убит! Убили Жореса!» Началось всеобщее смятение. Вызванный врач констатировал смерть.

Убийца был задержан тут же, на месте преступления. Им оказался 28-летний Рауль Виллен. На первом же допросе Виллен заявил: «Я совершил этот акт потому, что г. Жорес изменил своей стране, ведя кампанию против закона о трехлетней воинской службе. Я считаю, что необходимо наказать изменников, и за это можно отдать свою жизнь. Я испытываю глубокое удовлетворение от выполненной обязанности».

Убийство Жореса вызвало возмущение самых широких кругов общественности. В стране проходили многолюдные демонстрации и собрания, на которых рабочие, интеллигенция, все честные люди гневно осуждали это злодеяние. Негодование было столь велико, что правительство было вынуждено выпустить особое воззвание к народу за подписью председателя совета министров Вивиани с призывом к спокойствию⁶. 1 августа 1914 г. Марсель Кашен писал в «Юманите»: «Наш бедный друг должен был сегодня сам изложить читателям точку зрения, которую он только что защищал перед бесильными и слепыми министрами. Он должен был за этим столом газеты написать решительную статью, посредством которой устранялась бы ответственность нашей партии. Наиболее отвратительное из преступлений ему в этом помешало, к несчастью для Франции, для международного социализма, для мира во всем мире». В тот же день началась мировая война.

Что же представлял собой Рауль Виллен? Родился он в Реймсе в 1885 г., в семье главного секретаря суда. Шесть лет Виллен учился в школе иезуитов, затем продолжил образование в лицее, но не окончил его. В 1905 г. он поступил в Национальную школу агрикультуры в Ренне, но не окончил и ее. С 1906 г. — он на военной службе. Позднее Виллен возвратился в школу агрикультуры, а потом начал работать по специальности, но скоро бросил работу и занялся изучением литературы. Затем он поступил в коллеж Станислава (среднее учебное заведение) в качестве помощника надзирателя. Одно время он состоял в организации католиков-демократов «Силлон», но вскоре порвал с ней. В 1912 г. его уволили из коллежа, и он начал заниматься в Луврской школе изучения истории искусств. Некоторое время он состоял в организации «Лига молодых друзей Эльзаса и Лотарингии», преследовавшей цель возврата Франции этих областей, захваченных Германией в войне 1870—1871 года. Не имея постоянных занятий, Виллен разъезжал по разным местам.

В середине июля 1914 г. Виллен оказался в Париже. Ему предстоял призыв на военную службу. Как раз в это время он и совершил убийство Жореса. Его привлекли к уголовной ответственности одного. По его утверждению и по мнению следственных властей, соучастников у него не было. В октябре 1915 г. предварительное следствие было закончено. Прокуратурой был составлен обвинительный акт, датированный 22 октября 1915 года. Дело подлежало рассмотрению судом присяжных департамента Сены. Но судебный процесс был отложен на неопределенное время и состоялся только после окончания войны, 24—29 марта 1919 года. Вердиктом присяжных Виллен был признан невиновным, и ему был вынесен оправдательный приговор.

Такой ход судопроизводства и его результат были необычными даже с точки зрения порядков буржуазного судопроизводства. Приостановление рассмотрения дела, переданного в суд, было произведено без каких бы то ни было законных к тому оснований. Дело находилось в суде без движения около пяти лет, а подсудимый все это время находился под стражей. Этого никак нельзя объяснить какими-либо юридическими соображениями.

Вина подсудимого на суде не подвергалась ни малейшему сомнению. Виллен на суде не отказался от признания своей вины и давал те же показания, что и на следствии. Совершение им преступления подтверждалось показаниями свидетелей-очевидцев. И при всем этом последовал оправдательный приговор. Здесь в полную силу показала себя буржуазная юстиция. Ведь жертва убийства — ненавистный реакционным, шовинистическим, милитаристским кругам мужественный борец за мир, демократию и социализм. За что же наказывать убийцу? Он сделал то, чего желала, к чему стремилась и чем угрожала реакция.

Судить убийцу сразу после убийства было рискованно: слишком сильным было негодование широких прогрессивных кругов. Поэтому тогда могло и не удастся спасти убийцу. Выход из положения был найден в том, что отложили процесс и держали убийцу взаперти. Тем самым уберегли его и от народного гнева и от заслуженного наказания. Недаром заключенный не жаловался на свое незаконное содержание под стражей. Он был им доволен и даже сам просил задержать рассмотрение дела в суде, вполне основательно усматривая в этом единственный шанс на свое спасение.

Война окончилась победой Антанты. Франция — победительница, Германия потерпела поражение. Теперь легко можно было рассчитывать на то, чтобы дело об убийстве Жореса повернуть против Жореса и в пользу его убийцы: ведь Жорес боролся против прошедшей войны. Если бы его точка зрения возобладала, не было бы победы Франции.

⁶ «Jean Jaurès». Présenté par V. Auriol. P. 1962, pp. 161—162.

Далее из всей обстановки убийства, а также данных о личности убийцы с несомненностью вытекало, что Виллен не мог совершить это убийство один, без чьей-либо поддержки, без чьего-либо наущения. Никак нельзя было понять, каким образом этот человек, хотя бы и настроенный реакционно, но совершенно не проявивший себя какой-либо активной деятельностью, вдруг решил убить такую выдающуюся личность, как Жорес, и именно его, и именно накануне объявления войны и накануне своего направления в воинскую часть. Это обстоятельство должно было быть в центре внимания следствия. Именно в этом направлении должны были быть направлены его усилия. Ведь обстоятельства совершения убийства были ясны и очевидны, тут следствию мало что надо было делать. Вскрыть подоплеку убийства Жореса, обнаружить организаторов убийства, узнать, чьим орудием был Виллен, было совершенно необходимо. Но привлечен Виллен был один, судили его одного и одного же его и оправдали.

Здесь сразу бросается в глаза расчет. Представить дело так, что виновник преступления — одиночка, действующий на свой страх и риск, было выгодно реакционным, шовинистическим кругам. Уберечь, спасти его было так гораздо легче, чем если бы оказалось, что он исполнитель преступного замысла преступной организации. К тому же углубление в поиски нитей, ведущих от исполнителя преступления к его организаторам, было опасно. Это могло привести к нежелательным результатам, могло затронуть влиятельные круги, видных лиц, политические фигуры.

При этом обращает на себя особое внимание один очень любопытный факт. Незадолго до процесса Виллена состоялся суд над Эмилем Коттэнном, юным анархистом, покушавшимся на убийство председателя совета министров Жоржа Клемансо. Покушение не имело сколько-либо серьезных последствий, через несколько дней Клемансо вполне оправился. Военным судом Коттэн был приговорен к смертной казни. А убийцу Жореса оправдали. Причина ясна. Буржуазная юстиция показала здесь свое подлинное лицо.

Материалы судебного процесса убийцы Жореса были опубликованы через некоторое время после процесса газетой «Юманите». В этом издании дана стенографическая запись всего хода процесса, а также приведен полностью обвинительный акт, а после оправдания Виллена — извлечения из печати, относящиеся к приговору⁷. Детальный анализ материалов этого судебного процесса еще не был произведен. Между тем эти материалы представляют большой интерес. Был ли убийца одиночкой-фанатиком, совершившим преступление по собственному почину, или это устранение прогрессивного деятеля было организовано реакционными, шовинистическими кругами, а физический убийца был лишь их орудием? Было ли стимулом для убийцы лишь то влияние, которое оказывала на убийцу распространенная в реакционной печати клевета в отношении Жореса и он лишь поддался этому влиянию или здесь имела место организация убийства, подстрекательство к убийству в прямом уголовно-правовом смысле? Руководствовался ли убийца «идейными», хотя бы и извращенными, побуждениями, или это был наемный убийца, выполнявший данное ему поручение на средства своих хозяев? Был ли убийца душевно неполноценным человеком, с большой психикой, совершивший преступление под влиянием непреодолимого импульса, или это был человек, действовавший обдуманно, расчетливо, здраво учитывавший обстановку?

Как уже было сказано, дело Виллена рассматривалось в Париже судом присяжных департамента Сены 24—29 марта 1919 года. Председательствовал судья Букар. Состав 12 присяжных заседателей характеризовался такими данными: 2 рантье (то есть живущих на доходы с капитала), 1 домовладелец, 1 ветеринар, 1 торговец, 2 владельца промышленных предприятий, 1 владелец мастерской по слезамору, 1 владелец типографии, 2 представителя коммерческих фирм и 1 торговый служащий⁸. Как видно, состав присяжных по этому делу — преимущественно из мелкой и средней буржуазии; ни рабочих, ни крестьян в нем не было, равно как не было и представителей передовой интеллигенции. Государственное обвинение поддерживал генеральный адвокат Беген. Во французской организации юстиции генеральный адвокат — это помощник генерального прокурора. А генеральными прокурорами именуются прокуроры при кассационных и апелляционных судах в отличие от прокуроров республики, находящихся при низших судах. В качестве представителей потерпевшей стороны выступали Жозеф Поль-Бонкур и Дюко де ля Хэль. Поль-Бонкур — видный политический деятель, в то время принадлежавший к социалистической партии, депутат, потом сенатор, в 1932—1933 гг. председатель совета министров.

Потерпевшая сторона во французском уголовном процессе — это гражданский истец, добивающийся при производстве по уголовному делу возмещения причиненного ему преступлением ущерба. Но поскольку имеется в виду не только материальный, но и моральный ущерб, деятельность потерпевшей стороны не ограничена рамками заявленного иска (какового может и не быть), а представляет собой самостоятельное выступление наряду с государственным обвинением или вместо него⁹.

В качестве защитников Виллена выступали адвокаты Зеваэс и Жеро. Адвокат Зеваэс — ренегат социализма. Он ранее состоял в социалистической партии, потом вы-

⁷ «Le Procès de l'assassination de Jaurès (24—29 Mars 1919)». «Editions d'Humanité». Villeneuve-S.-George. S. a.

⁸ Ibid., p. 427.

⁹ P. Bouzat. Traité théorique et pratique de droit pénal. P. 1951, pp. 596—599.

шел из нее и перешел на сторону реакции¹⁰. Адвокат Жеро — крупная фигура во французской адвокатуре. Позднее, в 1932 г., он защищал белогвардейца Горгулова, убившего президента Франции Поля Думера в знак протеста против налаживания отношений между Францией и СССР¹¹. Адвокаты, как видим, были подобраны «подходящие».

Дело рассматривалось в суде на основе старого обвинительного акта, составленного 22 октября 1915 г. генеральным прокурором Эрбо. Именно этот обвинительный акт в том самом виде, как он был составлен около четырех лет тому назад, фигурировал и был оглашен в начале судебного следствия. Содержание обвинительного акта таково. Сначала в нем в протокольном стиле описывается убийство Жореса, как оно произошло. 31 июля 1914 г. Жорес со своими товарищами сидел в кафе Круассан, спиной к окну, смотрел фотографию, переданную соседом, с улицы кто-то отодвинул занавеску окна — раздался два выстрела. Жорес упал, врач констатировал смерть. Далее говорилось, что убийца пытался бежать, но был задержан и сделал на допросе заявление, что убил Жореса как изменника и что он чувствует удовлетворение от сознания выполненной обязанности. В обвинительном акте затем указывалось, со слов обвиняемого Виллена, что он уже за два дня до убийства следил за Жоресом, подходил к его квартире, не зная, что Жореса не было в Париже в этот момент; накануне убийства Виллен шел за Жоресом, когда тот, выйдя из редакции «Юманите», направлялся в кафе Круассан. Виллен и тогда, то есть накануне убийства, наблюдал за Жоресом, но выстрелить не решился. Обвинительный акт подчеркивал такое обстоятельство: «Предварительное следствие установило, что обвиняемый не имел сообщников, он был один в момент, когда он стрелял в г. Жореса: агент Марти, который его задержал, и г-жа Бертр, которая видела, как он совершал свое преступление, на этот счет вполне определенны»¹². Здесь очевидна логическая непоследовательность вывода: из того, что в момент убийства около Виллена не было других людей, отнюдь не следует, что у него не было сообщников.

Далее в акте опять акцентировалось внимание на следующем: «Виллен все время утверждал, что задумал и выполнил преступление он один»¹³. О том же, что сделало следствие, чтобы выявить возможных сообщников, почему оно пришло к выводу, что таких сообщников не было в действительности, в обвинительном акте не сказано ни слова. В нем приводятся данные о том, что Виллен состоял в католической организации «Силлон», но, разочаровавшись в ней, вышел из нее. Указывается также, что Виллен состоял в «Лиге молодых друзей Эльзаса и Лотарингии», но пробыл там недолго. Приводятся утверждения Виллена, что он убил Жореса из-за того, что тот противился принятию закона о трехлетней воинской службе, которым был увеличен срок обязательной воинской службы, занимал отрицательную позицию в вопросе о возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии путем войны и вообще пропагандировал антимилиитаристские идеи. В этом составитель обвинительного акта усматривал мотивы убийства Вилленом Жореса.

В конце обвинительного акта отмечается, что в ноябре 1905 г. Виллен болел тифозной горячкой, от которой он едва не умер, что его мать была долгое время в доме душевнобольных, а его бабушка со стороны отца также страдала душевным расстройством. В акте указывается, что вследствие этих данных было произведено исследование психического состояния Виллена и врачи-эксперты установили, что Виллен страдает «сложной душевной неуравновешенностью, выражающейся в интеллектуальной слабости, многочисленных аномалиях аффективной и моральной чувствительности и заложенной в самом организме недостаточности энергии и воли». Экспертиза все же признала, что Виллен не является душевнобольным и подлежит ответственности за свое деяние перед правосудием.

Преступление Виллена предусмотрено статьями 295, 296 и 302 Уголовного кодекса: умышленное убийство с заранее обдуманным намерением, влекущее применение смертной казни. Таков обвинительный акт. Конечно, обвинительный акт излагает лишь самые существенные фактические обстоятельства дела. Его лаконичность может быть обусловлена желанием его составителей строго придерживаться фактов и не выходить за пределы материалов предварительного следствия. Но за этой подчеркнутой объективностью очень ясно видна вся концепция государственного обвинения: Жореса убил одиночка, не имеющий никаких связей с реакционными группами, которым была выгодна смерть Жореса. Мотивы убийства сугубо патриотические. Сам убийца — полупомешанный, не настолько, чтобы считаться невменяемым и не ответственным за свои действия, но все же близкий к этому, во всяком случае, заслуживающий снисхождения.

Совершенно несомненной и очевидной является противоречивость обвинительного акта, невозможность согласовать версию убийства с предшествующей деятельностью Виллена. Виллен убил Жореса из-за: 1) его противодействия принятию закона об увеличении срока воинской службы до 3-х лет; 2) его позиции в вопросе об Эльзасе и Лотарингии; 3) его антивоенной деятельности. Такова версия Виллена, принятая обвинительным актом. А сам Виллен по тому же обвинительному акту ничем не проявил се-

¹⁰ «Le Procès...». Appendice, p. 428.

¹¹ См. Лев Л ю б и м о в. На чужбине. М. 1963, стр. 228—229.

¹² «Le Procès...», p. 9.

¹³ Ibid., p. 10.

бя ранее в этих вопросах, нигде и никогда не выступал, ничего не делал для реализации своих убеждений. Он недолго пробыл в двух организациях — католической «Силлон» и «Лиге молодых друзей Эльзаса и Лотарингии», так себя ничем и не проявив, и вышел из них. Совершенно непонятно, почему Виллен пошел на преступление, если он действовал один, по своему почину, на свой страх. Иное дело, если Виллен действовал как участник группы, организации, поручившей ему убить Жореса. Тогда все становится понятным. Но обвинительный акт без всяких мотивов начисто отвергает любое сообщничество. Пробельность и противоречивость обвинительного акта бросаются в глаза из самого же текста. Все эти пробелы обвинительного акта усугубятся и сделаются еще более резкими и разительными в ходе судебного процесса.

После оглашения в суде обвинительного акта начался допрос подсудимого и свидетелей. По просьбе представителя потерпевшей стороны Поль-Бонкура председатель задал Виллену три вопроса. Первый вопрос: бывал ли он на заседаниях палаты депутатов, где выступал Жорес? Виллен ответил, что он никогда там не бывал, но потом внес поправку: он однажды зашел на десять минут. Второй вопрос: посещал ли он какие-либо собрания, на которых выступал Жорес, вообще слышал ли он когда-либо Жореса? Ответ отрицательный; на таких собраниях Виллен не бывал и Жореса никогда не слышал. Третий вопрос: читал ли он, Виллен, журнал «Officiel», в котором публикуются дебаты в палате депутатов, в том числе выступления Жореса? Ответ опять отрицательный; выступлений Жореса Виллен не читал¹⁴.

Картина получалась более чем странная: выступлений Жореса Виллен не слышал, речей его не читал, а убил Жореса именно за то, что говорил и писал Жорес. Председатель напомнил Виллену его показания на предварительном следствии о том, что в 1913 г., когда Виллен проходил военное обучение, на него произвело впечатление то, что молодые солдаты, читавшие «Юманите», поддавались влиянию «доктрин и теорий» Жореса. На суде Виллен этого не говорил, но когда председатель зачитал ему выдержки из его показаний на предварительном следствии, он их, разумеется, подтвердил. На вопрос председателя, на чем он основывал свое мнение о том, что Жорес является «врагом французской идеи и нашей военной мощи», Виллен ответил, что он имел в виду угрозу всеобщей забастовки в случае мобилизации и «отсутствии инициативы Жореса в том, чтобы вооружить Францию, тогда как Германия вооружалась в чудовищных размерах». Председатель спросил Виллена: «Вы имеете в виду его (Жореса) проект закона и книгу «Новая армия»?» Виллен ответил смущенно: «Я ее не знаю... Я даже не знаю, появилась ли она в это время»¹⁵.

Таким образом, как ни старался председатель навести Виллена на те источники, из которых Виллен мог узнать об антивоенной деятельности Жореса, Виллен этих источников указать не мог и ничего не знал о той книге Жореса, в которой тот излагал свои взгляды на организацию армии и которая вызвала ожесточенные нападки на ее автора со стороны милитаристских кругов. В показаниях Виллена нет даже намека на то, что сам он читал редактировавшуюся Жоресом социалистическую газету «Юманите». Иными словами, ничего конкретного о деятельности Жореса Виллен не знал. Откуда же явилось у него намерение убить именно Жореса?

Виллен, по его словам, не сразу пришел к мысли убить Жореса. Первоначально его патриотические чувства вызвали у него намерение убить германского императора Вильгельма II. Эта идея возникла у Виллена, по его словам, в сентябре 1911 г. во время его поездки в Эльзас. В марте или апреле 1913 г. Виллен ездил в Шотландию и в пути говорил своему другу Кутто, что дал клятву убить кайзера¹⁶. Опять естественным был бы вопрос Виллену, почему же это намерение не было осуществлено и каким образом в мыслях Виллена на место Вильгельма встал Жорес, то есть вообще необходимо было дать возможность подсудимому рассказать, как и что он намеревался сделать, каково было развитие его замыслов. Вместо этого председатель напомнил Виллену, что он в своих показаниях на предварительном следствии следующим образом объяснил, почему он отказался от намерения убить кайзера: «Помимо всего, Вильгельм II, возможно, является европейским государем, наиболее сведущим в искусстве». С некоторым ехидством председатель сделал замечание: «Признайте, что ваш патриотизм особым образом зашел в тупик».

Сконфуженный Виллен ответил: «Это же только слова, которые не соответствуют моему действительному чувству»¹⁷. Как бы то ни было, а Вилленом сказано ясно: он пожалел немецкого кайзера потому, что тот был знатоком искусства, которым занимался и сам Виллен, а так как кого-то убить все же было надо, Виллен свой взор обратил на Жореса. Это поистине смехотворное объяснение показывало несерьезность всей версии убийства Жореса Вилленом «по патриотическим побуждениям».

Во время допроса Виллена председатель пытался уточнить дату, когда мысль убить кайзера заменилась у Виллена мыслью убить Жореса. Он процитировал одно письмо Виллена, в котором тот писал: «Именно к июню 1914 г. Жорес непосредственно занял место германского императора в моих главных заботах об Эльзасе и Лотарингии». Затем председатель спросил Виллена: «Значит, именно начиная с мая, июня идея убить

¹⁴ Ibid., pp. 34, 35.

¹⁵ Ibid., p. 24. См. русское издание: Ж. Жорес. Новая армия. Пгтр. 1919.

¹⁶ Ibid., p. 23.

¹⁷ Ibid., p. 24.

Жореса заменила в вашем сознании идею убить Вильгельма II?» Председатель имел в виду май — июнь 1914 года. В этот момент в допрос вмешался государственный обвинитель (генеральный адвокат) и внес поправку, утверждая, что лето, на которое указывает Виллен, когда он говорит, что в его сознании Жорес заменил Вильгельма, — это лето 1913 г., когда обсуждался закон о трехлетней воинской службе. А позднее, в мае 1914 г., эти воспоминания и впечатления оживились у Виллена в связи с судебным процессом в Лейпциге над одним эльзасцем, обвинявшимся в государственной измене¹⁸.

Государственный обвинитель этим хотел сказать, что Виллен перестал думать об убийстве Вильгельма II и стал думать об убийстве Жореса не за два-три месяца до убийства, как понял председатель, а значительно раньше, за пятнадцать месяцев. Этим подтверждался продуманный характер убийства — задолго возникшее и выношенное намерение. Но ни прокурору, ни председателю суда, ни другим участникам процесса не приходила (не приходила ли?) в голову простая мысль, что вся эта история с заменой Вильгельма Жоресом в сознании Виллена — выдумка, ничем не подтвержденная, по существу неправдоподобная и нелепая, предназначенная только для того, чтобы показать патриотический характер намерений Виллена, его любовь к родине. Ведь именно это с несомненностью следовало из приведенного председателем и смутившего самого же Виллена его прежнего объяснения, что Вильгельма II он не убил потому, что тот был знатоком искусства и тем самым как бы коллегой Виллена.

На допросе возник важный вопрос о денежных средствах, которыми располагал Виллен. Доходов у него не было никаких, если не считать скудного жалования, которое он получал во время своей кратковременной службы в коллеже. Все остальное время он жил на то, что ему давал отец, человек малосостоятельный. От отца Виллен получал 150 франков в месяц. А в то же время он совершал далекие путешествия, был в Лондоне, ездил в Шотландию, путешествовал по Греции и по другим местам. Естественно, возник вопрос о том, на какие средства делал все это Виллен. Сам Виллен ссылался на то, что он экономил на всем, во всем себе отказывал, а в Афинах получил от отца денежный перевод — что-то вроде 300 франков. Еще бывали нечастые внеочередные полочки от отца и брата. Цель своих заграничных путешествий Виллен никак не мог членораздельно объяснить, ссылаясь на чувство одиночества, неприкаянность, желание найти какую-то опору в жизни и т. п.

В общем, никак не выходило, что на получаемые от отца деньги, на которые и так Виллену с трудом удавалось сводить концы с концами, можно было совершать далекие путешествия. А к тому же во время своего пребывания в католической организации «Силлон» Виллен пожертвовал этой организации известные средства. Это, как объяснил Виллен, опять-таки за счет экономии. Виллен сказал на суде: «Может возникнуть странное подозрение относительно того, что деньги могли иметь иное происхождение, чем то, что мне давал отец». Виллен отвергал это подозрение: маленькие подачки от отца, иногда от брата, собственная экономия — и все¹⁹. Председатель суда не углублял этого вопроса во время допроса подсудимого. Этот вопрос и позднее всплывал не раз, но каждый раз оставался невыясненным.

Естественно, все это наводило на мысль о том, что Виллен получал средства от лиц и организаций, с которыми он был связан и по указанию которых он совершил убийство Жореса. Но в обвинительном акте прямо было сказано, что никаких сообщников у Виллена не было, и это же положение все время поддерживали на суде председатель суда и прокурор. Еще одно характерное обстоятельство. Рассказывая, как он совершил убийство Жореса, Виллен говорил на суде: «Под влиянием мгновенного импульса я отбросил занавеску и выстрелил..., не думая о том, что г. Жорес имел жену, детей». Председатель сейчас же подхватил эти слова: «В словах, которые вы только что произнесли, относительно жены и детей г. Жореса, я вижу первое проявление раскаяния...»²⁰. Конечно, никакого раскаяния в этих словах усмотреть нельзя.

Заканчивая допрос, председатель сообщил присяжным, что ввиду тяжелой наследственности Виллена последний был подвергнут экспертизе врачей-психиатров, которые пришли к выводу, что Виллен вменяем, однако в силу различных психических аномалий заслуживает снисхождения. На суд были вызваны эксперты, четыре врача: два судебных медика, один преподаватель, один профессор. Данное ими на суде специальное заключение в высшей степени необычно даже для буржуазного судопроизводства. Все эксперты признали, что Виллен является вменяемым; он совершил преступление в состоянии, которое не исключает его ответственности за содеянное; его деяние было обдуманным и сознательным.

В то же время эксперты указали, что Виллен в психическом отношении страдает рядом недостатков: он является неполноценным и неуравновешенным, у него тяжелая наследственность (умалишенная мать, страдавшая душевным расстройством бабка). А отсюда экспертиза делала вывод: хотя Виллен совершил преступление во вменяемом состоянии, но он заслуживает снисхождения. Эксперт доктор Бриан, судебный медик, утверждал, что ввиду своих душевных аномалий и тяжелой наследственности «Виллен имеет право на некоторое снисхождение»²¹. Эксперт доктор Дюпре, профессор, член

¹⁸ Ibid., p. 35.

¹⁹ Ibid., p. 21.

²⁰ Ibid., pp. 32—33.

²¹ Ibid., p. 38.

Медицинской академии, главный врач специальной больницы полицейской префектуры, также утверждал, что «Виллен имеет право на снисходительность судей»²². Это было мнением и других экспертов.

Профессор Дюпре был очень категоричен в своих утверждениях: по его мнению, Виллен совершил убийство «под влиянием чувства морального возмущения, патриотического беспокойства, восторженности патриотического чувства, и его преступление есть преступление по страсти»²³. Вот в чем, оказывается, дело: Вилленом руководили благородные, патриотические побуждения, и именно по этой причине врачи-эксперты призывали судей к снисходительности. А при этом на суде произошел совсем замечательный инцидент. При допросе председателем эксперта доктора Бриана защитник Виллена адвокат Жеро сделал такое заявление: «Когда я буду говорить свою защитительную речь, присяжным надо будет поставить перед собой один-единственный вопрос: страсть, которая увлекла Виллена, является ли благородной страстью, или это страсть, из-за которой он должен краснеть?» Государственный обвинитель сейчас же подал реплику: «Эта страсть может быть благородна в своей основе, но разрушительна в своих последствиях!» Таким образом, государственное обвинение, защита подсудимого и ученые эксперты пришли к полному согласию: страсть, побудившая Виллена убить Жореса, — это благородная страсть, по крайней мере в ее основе. Осталось только суду присоединиться к этому, что и последовало незамедлительно, и подсудимый был оправдан.

Таким образом, в первом же заседании суда 24 марта 1919 г., в самом начале заседания, при допросе подсудимого и даче заключения экспертизы в полной мере определился характер судебного процесса, в котором все было сделано для того, чтобы уберечь убийцу, лишившего жизни выдающегося деятеля рабочего движения, от заслуженного наказания.

После заслушания заключения экспертов суд перешел к допросу свидетелей. В качестве свидетелей обвинения на суде дали показания лица, бывшие очевидцами убийства Жореса. О том, как произошло убийство, рассказал на суде бывший генеральный секретарь Французской социалистической партии Дюбрель, который 31 июля 1914 г. был вместе с Жоресом в кафе Круассан и сидел с ним за столом, когда раздались два выстрела и Жорес упал. Об этом же дал показание генеральный секретарь Национальной федерации кооперативов Эрнест Пуассон. Когда раздались выстрел и Жорес упал, Пуассон выбежал на улицу и вместе с другими лицами задержал убийцу. Убийца был совершенно спокоен и хладнокровен и сказал задержавшему его лицу: «Берегитесь, у меня в кармане есть другой револьвер». Этот револьвер у убийцы забрали тут же. Пуассон задал вопрос задержанному: «Почему вы убили Жореса?» Задержанный сперва не ответил, но на повторный вопрос заявил: «Я — из Луврской школы, и я убил Жореса потому, что он был против закона о трехлетней воинской службе»²⁴.

Обстоятельства убийства и ареста убийцы воспроизвел в своих показаниях и один из двух секретарей редакции «Юманите» — Морис Бертр. Этот свидетель показал, что когда он находился с Жоресом в кафе Круассан, то примерно через десять минут по прибытии в кафе он ясно услышал на улице неровные, быстрые шаги. Затем идущий остановился около кафе. После этого шаги стали удаляться. Морис Бертр почувствовал беспокойство, он вспомнил тогда, что Жорес говорил в этот день: «Если будет объявлена мобилизация, меня могут убить»²⁵.

Существенное обстоятельство выявилось во время допроса свидетеля Даниэля Рено, редактора «Юманите», также бывшего вместе с Жоресом, когда произошло убийство. Рено показал на суде, что он сидел в кафе с Жоресом лицом к окну, тогда как Жорес сидел спиной к окну. За несколько минут до убийства Рено заметил, что какой-то человек смотрит с улицы в окно. «Это не был взгляд, брошенный случайно прохожим; человек минуту смотрел в окно, потом исчез... Этот человек — не обвиняемый. Человек, который смотрел в окно непосредственно перед убийством, — это высокий молодой человек, очень смуглый, на голове его была изношенная мягкая шляпа; он совершенно не был похож на обвиняемого»²⁶. Свидетель сообщил об этом факте следственному судье, но тот не принял этого во внимание и не произвел расследования в данном направлении. Это заявление свидетеля, видимо, произвело сильное впечатление на суде. На основании совершенно конкретного факта ставилось под сомнение категорическое утверждение обвинительного акта, что Виллен был один и не имел соучастников, причем получалось, что предварительное следствие сознательно прошло мимо этого важного факта, прямо указанного свидетелем-очевидцем.

На выручку следствию поспешил председатель суда, заявивший: «В этом направлении произведено вполне определенное расследование, но оно не дало результатов». Председатель ни слова не сказал о том, что же конкретно было сделано, чтобы выяс-

²² Ibid., p. 42.

²³ Ibid., p. 41.

²⁴ Ibid., p. 45.

²⁵ Ibid., p. 47.

²⁶ Ibid., p. 48.

нить личность молодого человека, глядевшего в окно кафе непосредственно перед убийством; возможность того, что Виллен пришел убить Жореса не один, и т. д. Свидетель Рено резонно возразил председателю: «Мне неизвестны произведенные следственные действия, г. председатель, мне даже не была сделана очная ставка с обвиняемым». Новая реплика председателя: «Вы сделали такое сообщение, из которого было ясно, что вы говорите не об обвиняемом, в этом не было сомнений. Вот почему вам не была сделана очная ставка с обвиняемым»²⁷.

Разъяснение председателя более чем странное. Конечно, свидетель Рено ясно сказал, что в окно смотрел не Виллен. Но смысл его показаний состоял в том, что приходу Виллена к кафе предшествовал приход другого человека. Если сопоставить это показание с показанием свидетеля Бертра — о шагах под окном, — рисуется определенная картина: один человек удостоверился, что Жорес находится в кафе и сидит у окна спиной к нему, и он сообщил об этом Виллену, который пришел и безошибочно выстрелил в Жореса. Именно сообщенный свидетелем Рено факт объяснял то обстоятельство, что Виллен, отдернув занавеску, сразу же, без разглядывания, где находится Жорес, выстрелил и убил Жореса. Этого Виллен не мог бы сделать, если бы он не знал точно, где сидит Жорес. Ведь Жорес сидел к окну спиной, и Виллен не мог видеть его лица; поэтому, не получив точных указаний, он не мог бы сразу найти Жореса среди сидевших вместе с ним лиц.

По этому поводу представитель потерпевшей стороны Поль-Бонкур сделал суду следующее заявление: «В первый раз появляется мысль о каком-то человеке, который мог сопровождать Виллена. Является очевидным, что при расследовании дела это не было принято во внимание. Я позволю себе выразить сожаление, что в этом направлении не было произведено расследование. Я слышал хорошо (разъяснение председателем), что по показанию свидетеля были предприняты шаги; но нужны были очные ставки, получение объяснений, которые могли принести пользу. Я выражаю свое сожаление, что в данный момент, когда возник этот вопрос, мы лишены возможности идти дальше в этом направлении». Председатель счел нужным тут сделать свое замечание, что на предварительном следствии можно допрашивать только тех, кто был налицо, что и было сделано; сообщение, сделанное свидетелем Рено, не заключало в себе «ничего экстраординарного»²⁸.

Свидетель Мариус Випль, бывший редактор «Юманите», показал, что он зашел в кафе Круассан, когда там был Жорес, и его внимание привлекла группа из трех-четырех человек на улице Монмартр около кафе, которые заглядывали вовнутрь через дверь. Присутствие этих людей удивило свидетеля. Это было за десять минут до убийства. Когда же произошло убийство, свидетель вышел на улицу — там был один Виллен²⁹. Таким образом, все более и более ясным делался тот факт, что за Жоресом была слежка как накануне убийства, так и в день убийства. Виллен же пришел тогда, когда было все подготовлено, место нахождения Жореса было выяснено, и ему оставалось лишь выстрелить в заранее намеченную цель. Мы уже указывали выше, что Виллен не мог в один момент отдернуть занавеску с улицы и выстрелить в Жореса, если бы он не знал заранее, где и в каком положении находится Жорес.

Свидетель Гассье, художник газеты «Юманите», сообщил, что в редакцию почти ежедневно приходили письма с угрозами Жоресу, и это вызвало у свидетеля опасение, что Жореса могут убить. Один из присяжных заседателей задал вопрос, были ли эти письма сличены с письмами Виллена. Представитель потерпевшей стороны Дюко де ля Хэль по этому поводу заявил: «На этот вопрос могу ответить я один, я имел в своих руках эти угрожающие письма, поступавшие в «Юманите», и я могу сказать, что в этих письмах я не признал почерка Виллена»³⁰. Этот инцидент свидетельствует прежде всего о том, что на предварительном следствии не было предпринято попытки выяснить лиц, писавших угрожающие письма в адрес Жореса, не производилось сличения почерков, поэтому на суде роль эксперта-криминалиста принял на себя представитель потерпевшей стороны. А затем то обстоятельство, что эти письма были написаны не рукой Виллена, вновь и вновь наводило на мысль, что у Виллена были соучастники.

Любопытным было показание полицейского комиссара Гобера, который допросил Виллена сейчас же по его задержании и доставлении в полицейское отделение. Виллен ему заявил: «Жорес — изменник родины; я считаю, что поступил хорошо, убив его». Свидетель показал далее, что при осмотре белья и одежды Виллена оказалось, что с них сняты все метки, и только по обнаруженной у него телеграмме была установлена его личность. Председатель суда этим обстоятельством очень заинтересовался и задал Виллену вопрос, когда именно и зачем он снял метки со своего белья и одежды. Виллен ответил, что сделал это в пансионате, в котором жил. Там был служитель-немец. Этот немец однажды читал «Юманите» с видом полного удовлетворения. Именно это удовлетворение немца при чтении газеты, редактировавшейся Жоресом, побудило, дескать, его, Виллена, откинуть всякий страх и решиться на убийство Жореса. 31 июля между двумя и четырьмя часами дня он снял со своего белья и платья все метки, по которым его можно было бы опознать.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., p. 49.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid., p. 50.

На вопрос председателя о том, зачем же ему понадобилось снимать метки и почему он не хотел быть опознанным, Виллен ответил, что сделал это для того, чтобы не компрометировать своего отца³¹. Нелепость этого объяснения была совершенно очевидна. Виллен, по его словам, совершил убийство Жореса из патриотических побуждений, он гордился своим поступком, он ожидал славы для себя — и он заблаговременно снял с белья и одежды метки, чтобы нельзя было установить его личность, а не хотел он быть узнанным потому, что не хотел компрометировать своего отца. Ясно, что с точки зрения «патриота» Виллена убийство им Жореса никак не могло компрометировать его отца. Кроме того, Виллен никак не мог рассчитывать, что его личность не будет установлена, и отсутствие меток на белье и одежде, конечно, этому помешать не могло. Поэтому, с точки зрения самого Виллена, решительно никакого значения не могло иметь, будет ли его отец «скомпрометирован» несколькими днями позже или раньше. Расчет мог быть только один: хоть на некоторое время оттянуть установление его личности. Председатель суда правильно сделал вывод: «Все эти предосторожности вы приняли для того, чтобы как можно дольше скрыть вашу личность»³². Но на этом председатель и остановился, хотя требовалось пойти дальше и выяснить, для чего же Виллен старался оттянуть установление его личности. Только одно объяснение имело реальную почву: Виллену нужно было насколько возможно оттянуть установление его личности для того, чтобы организаторы преступления, по указанию которых Виллен совершил убийство Жореса, получили возможность замести следы своего участия.

Очень существенными были показания свидетеля Лео Барделя, скульптора, проживавшего по соседству с близким другом обвиняемого Виллена — Пьером Обеном. Свидетель Бардель был хорошо знаком с Вилленом, неоднократно с ним беседовал, главным образом о литературе, но они никогда не говорили о политике. И тут же Бардель сообщил суду следующее обстоятельство. После того как он показал следственному судье, что Виллен никогда не говорил на политические темы, он встретил у консьержки дома, где жил он и Обен, жену одного художника г-жу Франшей, которая с удивлением сказала ему: «Как! Виллен никогда не вел с вами политических разговоров? Но он с нами только об этом и говорил. У нас с ним были долгие обсуждения. Он всегда имел при себе номера «Action Française». Он постоянно посещал собрания»³³. Обстоятельство это весьма важное для выяснения причин убийства Жореса. Об этом разговоре с женой художника Бардель сообщил следственному судье на первом же допросе. Совершенно ясно, что следственный судья должен был немедленно допросить и Обена и жену художника. Но следственный судья не допросил ни того, ни другого. Таким образом, и эта нить следствия была упущена, как и все, что могло бы привести к обнаружению организаторов убийства Жореса.

После допроса свидетелей обвинения суд перешел к допросу свидетелей, вызванных потерпевшей стороной. Были вызваны в качестве свидетелей очень видные фигуры в политическом и научном мире: историк Олар, руководящие деятели социалистической партии Леон Блюм и Пьер Рендель, сенатор д'Этурнель де Констан, бывший министр вооружений Альбер Тома, бывший председатель совета министров Ренэ Вивиани, бывший военный министр и председатель совета министров Поль Пэнлеве, секретарь Всеобщей конфедерации труда Леон Жуо и ряд других. Они в своих показаниях касались личности убитого Жореса, его взглядов и деятельности.

Все эти свидетели давали высокую положительную оценку личности и деятельности Жореса, характеризовали его как пламенного патриота, прогрессивного деятеля, много способствовавшего укреплению авторитета Франции. Некоторые из свидетелей специально характеризовали позицию Жореса в отношении Эльзаса и Лотарингии, подчеркивая, что Жорес никогда не примирялся с отторжением Германией Эльзаса и Лотарингии, всегда считал необходимым возвращение Франции этих областей, но утверждал, что это должно быть достигнуто не путем войны, а путем мирным и демократическим.

Ряд свидетелей-военных характеризовал позицию Жореса в вопросах обороны Франции, в особенности в вопросе об отрицательном отношении Жореса к закону об увеличении срока воинской службы до 3 лет. По его мнению, усиление обороноспособности Франции могло быть достигнуто не удлинением срока воинской службы, а укреплением линии оборонительных крепостей на границах Франции и расширением обучения резервов. Ознакомление с показаниями всех этих свидетелей показывает настойчивое стремление представителей потерпевшей стороны Поль-Бонкура и Дюко де ля Хэля и руководящих деятелей Французской социалистической партии защитить память Жореса от распускавшихся в его адрес реакцией клеветнических измышлений относительно его «антипатриотизма», «пренебрежения» интересами Франции и т. п. Именно в этом представители потерпевшей стороны видели смысл своего участия в процессе убийства Жореса и для этого они вызвали в суд многочисленных свидетелей. Во время допроса свидетелей Виллен молчал, но по окончании допроса свидетеля Альбера Тома он заявил следующее. В первой половине июля 1914 г. он, Виллен, увидел на стенах Парижа афишу газеты «Юманите», на которой был изображен офицер французской армии, стре-

³¹ Ibid., pp. 51—52.

³² Ibid.

³³ «Le Procès...», p. 54. «Action Française» — реакционная газета, выражавшая взгляды шовинистической организации «Королевские ребята».

ляющий в упор в женщину-эльзаску. Он тогда испытал сильное волнение, так как это, по его мнению, означало, что эльзасцы рассматриваются как немцы и что французская армия в случае войны будет убивать женщин так же, как это делают немцы. Это его «потрясло». Тут защитник Жеро обратился к представителям потерпевшей стороны с просьбой представить эту афишу (поскольку она была выпущена газетой «Юманите»). Дюко де ля Хэль ответил, что у них этой афиши нет, но она помещена в книге Урбэна Гойе. Вопрос об этой пресловутой афише всплыл позднее, при допросе как свидетеля защиты брата подсудимого — Марселя Виллена. Последний показал, что брат был взбешен при виде этой афиши, на что он ему сказал: «Но ведь это афиша, тебе нет надобности сердиться из-за такого пустяка». Виллен ответил брату, что он не настоящий француз³⁴.

Этот эпизод характерен тем, что как сам Виллен, так и его защитники стремились доказать, что Виллен действовал под влиянием непреодолимых побуждений патриотического характера, которые хотя и не были оправданны (на процессе никто не решался утверждать обратного), но все же были серьезны и сильны. А в подтверждение этого защита приводила совершенно ничтожные и ничего не говорящие факты: то коневерж-немец с видом удовлетворения читал «Юманите», редактором которой был Жорес; то какая-то афиша той же газеты наводила на какие-то мысли. Совершенно неправдоподобно, чтобы это могло послужить хотя бы поводом для того, чтобы Виллен убил Жореса, которого он раньше не видел, на собраниях не слышал и написанного им не читал.

Интересные обстоятельства сообщил в своих показаниях свидетель Ренэ Вивиани, бывший во время убийства Жореса и в начале войны председателем совета министров. Как только стало известно об убийстве Жореса, префект полиции обратился к Вивиани с просьбой задержать отправку из Парижа войск, которые должны были направиться к границе для ее прикрытия, так как он боялся в столице новой Коммуны, беспорядков и революции. По словам Вивиани, он отказал в этой просьбе, оставив в Париже лишь четыре кавалерийских полка, готовых в любой момент двинуться к границе³⁵. Это, конечно, очень показательный факт: наиболее реакционные круги были готовы ослабить сопротивление врагу, лишь бы не допустить народного движения, которое могло быть вызвано убийством Жореса.

По окончании допроса свидетелей потерпевшей стороны начался допрос свидетелей защиты. При допросе этих свидетелей линия защиты, в основном проявлявшаяся и раньше, при допросе свидетелей обвинения и потерпевшей стороны, выразилась вполне определенно. Эту линию можно представить в следующем виде. Прежде всего защита взяла установку: Жореса не чернить, распространявшихся по его адресу клеветнических обвинений не поддерживать, по поводу его убийства всячески выражать сожаление. Этим защитники рассчитывали подорвать позицию потерпевшей стороны, обесценить все, что говорили о Жоресе свидетели, вызванные потерпевшей стороной, и представить дело так, будто все, что касается деятельности Жореса, его личности и т. д., не имеет отношения к делу Виллена.

Далее, защита приложила все усилия, чтобы доказать, что Вилленом руководили только патриотические побуждения, что его патриотизм достиг степени фанатизма. Защита особенно настаивала на том, что Виллен действовал один, никто его не подстрекал убить Жореса. Его личность свидетели защиты стремились изобразить в привлекательном свете, вызвать к нему жалость, сочувствие: это одинокий, скромный, ведущий аскетический образ жизни молодой человек, мечтатель, безумно любящий свою родину, а к тому же болезненный, психически неполноценный. К этому присоединилось утверждение, что убийство Вилленом Жореса не было предумышленным и преднамеренным: хотя мысль об убийстве у Виллена возникала и раньше, но самое решение убить пришло внезапно. К этому вели показания свидетелей защиты и задаваемые защитниками свидетелям вопросы. Нельзя не признать, что такая линия защиты была умело продуманной, подлой, намеренно искажающей действительность.

Прения сторон начались речью представителя потерпевшей стороны Поль-Бонкура. Пространная речь Поль-Бонкура, произнесенная с воодушевлением и ораторским мастерством, в основном содержала изложение и характеристику взглядов и деятельности Жореса как политического деятеля, борца за мир и демократию, патриота, ученого, мыслителя. Поль-Бонкур отчетливо выразил свою позицию таким образом, что его задача в судебном процессе — защитить память Жореса от всякой клеветы, которая возводилась на него; это — задача представителей потерпевшей стороны, и ради этого они вступили в процесс. То, что представители потерпевшей стороны поставили перед собой такую задачу и использовали судебную трибуну для защиты памяти, деятельности, идей Жореса, вполне естественно и оправданно. Но сделал это Поль-Бонкур, а за ним и другой представитель потерпевшей стороны, Дюко де ля Хэль, в своеобразной форме. Обращаясь к присяжным, Поль-Бонкур сказал: «От имени его (Жореса) семьи, исполни-

³⁴ «Le Procès...», p. 242.

³⁵ Ibid., p. 191.

телям воли которой мы здесь являемся, от имени его партии — его духовной семьи, которая составляла всю его духовную жизнь и которой его естественная семья доверила защиту, мы отдаем в ваши руки честь и память Жореса»³⁶.

Это была неправильная постановка вопроса, недопустимая даже в виде ораторского приема. Не во власти буржуазного суда были репутация Жореса, память о нем, оценка его деятельности. В руках присяжных находилась судьба убийцы Жореса — Виллена, над ней они были властны. В речи Поль-Бонкура очень отчетливо была выражена та мысль, что Жорес сопротивлялся войне, пока она не началась, а когда она разразилась, то Жорес, если бы он остался жив, поддерживал бы войну на стороне Франции, так как «эта война была справедливой»³⁷. Это была неверная позиция. Решительно ниоткуда не вытекало, что Жорес, если бы он не был убит, во время войны занял бы шовинистическую, милитаристскую позицию, какую заняли оппортунистические элементы. Этим произвольным утверждением Поль-Бонкур поставил позицию потерпевшей стороны под сильный удар со стороны защиты, чем защита и не преминула умело воспользоваться.

Очень своеобразна была позиция потерпевшей стороны в вопросе о том, почему Виллен убил Жореса. Действовал ли он как одиночка, или убийство Жореса было организовано и у Виллена были соучастники, подстрекатели и т. д.? По этому вопросу Поль-Бонкур заявил следующее: «То обстоятельство, что я здесь говорю от имени человека, который был проникнут страстью к истине, а также моя личная доблесть возлагают на меня обязанность не говорить ничего того, чего нет в производстве по делу — в таком производстве, *каким мне его дало предварительное следствие*». Поль-Бонкур подчеркивал эту мысль: «Я не буду говорить ни о чем, кроме того, что мне позволяет говорить производство по делу»³⁸.

Поль-Бонкур тут же сделал оговорку: «Я только выражаю сожаление, что в некоторых пунктах предварительное следствие было неудовлетворительным». Оратор напомнил указание, данное генеральным прокурором в 1915 г., пополнить следствие и выяснить некоторые пункты, представлявшиеся невыясненными. Поль-Бонкур указал, что произведенное дополнительное расследование не было достаточным. «Но, повторяю: в производстве по делу в его настоящем виде, *каким мне его дало предварительное следствие*, — я обязан это сказать — не имеется сколько-нибудь ощутимого следа принадлежности Виллена к какой-либо политической организации». Поль-Бонкур уточнил и конкретизировал свой тезис: «Виллен не принадлежал к группировке «Аксьон франсез»³⁹. А отсюда Поль-Бонкур сделал вывод, что в данном деле нельзя говорить о каком-либо соучастии в юридическом смысле, но можно говорить о соучастии в моральном смысле — относительно авторов тех статей в газетах, которые возводили клевету на Жореса и извращали его мысли»⁴⁰.

В общем, поддерживавшаяся Поль-Бонкуром версия была такова, что Виллен убил Жореса, начитавшись газет, в которых всячески поносился Жорес. Это была не вызвавшаяся необходимостью сдвиг потерпевшей стороной своих позиций, и это было очень слабое обвинение убийцы, тем более что сам Виллен утверждал, что газет он почти не читал, да и никто из допрошенных свидетелей не говорил об увлечении Виллена чтением газет. Это была версия предварительного следствия, не нашедшая подтверждения на суде. Далее в своей речи Поль-Бонкур сказал: «Я считаю, что потерпевшая сторона не должна заменять государственное обвинение в вопросе применения наказания. Это значит, что государственный обвинитель должен сказать суду, какое наказание он считает нужным применить к преступнику, потерпевшая же сторона этого вопроса касаться не может. Единственная оговорка, которую счел нужным здесь сделать Поль-Бонкур, это то, что к Виллену не следует применять смертную казнь: Жорес и социалистическая партия всегда были противниками смертной казни, и для отмщения Жореса не является необходимой смерть Виллена»⁴¹.

Из французского уголовно-процессуального закона отнюдь не вытекало, что потерпевшая сторона вообще не имеет права касаться вопроса о наказании. Да Поль-Бонкур и говорил о наказании, но только в негативном плане. Он не только не сказал, какое наказание должно быть применено к Виллену, но и не уточнил, что оно вообще должно быть применено к убийце. Потерпевшая сторона защищала память Жореса, но защита памяти Жореса, дела Жореса в судебном процессе над убийцей Жореса заключалась в том, чтобы изобличить убийцу и раскрыть подлинные мотивы преступления. Этого представитель потерпевшей стороны не сделал.

Получилось странное и весьма своеобразное положение: представители потерпевшей стороны защищали память Жореса, но его убийцу, по сути дела, не обвиняли, рассчитывая, что это должен сделать государственный обвинитель. Однако государственный обвинитель построил обвинение таким образом, что оно терло всякую опасность для подсудимого. Высказав в приподнятом тоне свои суждения о том, как изменился мир за время, протекшее после убийства Жореса, государственный обвинитель

³⁶ Ibid., p. 335.

³⁷ Ibid., pp. 329, 330.

³⁸ Ibid., pp. 248, 249.

³⁹ Ibid., pp. 249, 250.

⁴⁰ Ibid., p. 250.

⁴¹ Ibid., pp. 334—335.

остановился на рассмотрении обстоятельств, повлекших отложение дела слушанием после предания Виллена суду в 1915 году. Выяснилось, что на отложении процесса настаивал Виллен. Обвинитель процитировал письмо, адресованное Вилленом председателю суда присяжных 1 декабря 1915 года. Это письмо заслуживает воспроизведения полностью.

«Господин председатель, мне сказали, что дело может слушаться в конце декабря, поэтому я спешу представить Вашей высокой беспристрастности свои соображения. Если г. Жеро и г. Зеваэс будут нападать с той страстной силой, которая является необходимой, на прежние правительства, священное единение понесет тяжелый урон, и этому возрадуются наши враги. Можно ли пойти на этот риск, которого сейчас следует опасаться? А если Вы не разрешите защитникам говорить все, что они думают, защита будет парализована, связана, и она может быть тяжело скомпрометирована единственно во вред мне. Вот почему я не стал бы сожалеть, если бы мое предварительное заключение было продлено на несколько месяцев, если Ваше беспристрастие сочтет, что этим можно избежать посягательства на единение и на правосудие»⁴². За девять дней до этого, 22 ноября, аналогичное письмо Виллен направил генеральному прокурору. В этом письме был ясно виден тонкий и ловкий расчет Виллена — выставить себя сторонником «священного единения» страны, «вступить с судом в соглашение об отложении слушания дела на основе их, суда и Виллена, «общей» заботы об интересах родины. А в отношении личности убийцы обвинитель говорил, что Виллен — «дебильное существо со слабым рассудком, как сказали врачи, с извращенными способностями», который совершил преступление под влиянием чтения и, «кроме того, под упорным влиянием своих одиноких размышлений»⁴³, хотя только что оглашенное письмо Виллена полностью опровергало такое представление о его личности и поступках.

Заключение речи прокурора было таково: Виллена надо признать виновным, вынести в отношении его обвинительный вердикт, но проявить к нему снисходительность. «Этому неполноценному человеку могу ли я требовать наказания в полную меру? Нет!» — заявил прокурор. Но какое же наказание все же следует применить к Виллену? Прокурор говорил, обращаясь к судьям: «...Вы не должны удивляться, что слов «смертная казнь» не произносят мои уста. Я прошу вас вынести обвинительный вердикт, но со смягчающими обстоятельствами»⁴⁴. Но если прокурор не решился требовать смертной казни для Виллена, он мог указать на другое достаточно тяжелое наказание. Прокурор же ничего не сказал об этом. Формально речь прокурора была обвинительной речью, а по существу действительного обвинения на суде вообще не было.

В отличие от государственного обвинения защита была в процессе активна и решительна. Защитники не стеснялись в средствах. Защита велась очень продуманно. Основной тезис защиты был таков: Виллен действовал по патристическим побуждениям, мотивы его действий были благородны, но его дебилность, умственная неполноценность и душевная неуравновешенность толкнули его на неправильный путь; убийство он совершил под влиянием внезапного, непреодолимого импульса, без заранее обдуманного намерения, и за свои действия ответственности он не несет. Вместе с тем защитники подвергли критике действительно слабое место в позиции потерпевшей стороны — утверждение, что Жорес, если бы он был жив, принял бы руководящее участие в организации военных действий и боролся бы за доведение войны до победы (то есть занял бы милитаристскую, шовинистическую позицию). Защитники с иронией и издевкой говорили, что подобные пророчества о том, что делал бы Жорес во время войны, ненадежны, а высказывания Жореса могли дать повод к иному выводу о возможной позиции Жореса. Защитники настаивали на безоговорочном оправдании Виллена⁴⁵.

Присяжные совещались полчаса и вынесли Виллену оправдательный вердикт. Вдова убитого, г-жа Жорес, как потерпевшая сторона, была присуждена к уплате судебных издержек. Этот штрих — поразительный. Кому же оплачивать расходы, понесенные в связи с привлечением к ответственности убийцы Жореса, как не жене убитого?! После оглашения вердикта Виллен поблагодарил своего адвоката Зеваэса и через несколько минут был освобожден из-под стражи⁴⁶.

Оправдание убийцы Жореса вызвало бурю негодования среди прогрессивных общественных кругов, среди всех честных людей. В стране прошли широкие манифестации с выражением возмущения незаконным приговором. Знаменитый французский писатель Анатоль Франс опубликовал в «Юманите» от 1 апреля 1919 г. призыв к рабочим: «Убийца Жореса объявлен невиновным. Рабочие, Жорес жил для вас; он умер

⁴² Ibid., p. 359.

⁴³ Ibid., p. 361.

⁴⁴ Ibid., p. 378.

⁴⁵ Ibid., pp. 393, 399, 412.

⁴⁶ Ibid., p. 415.

за вас! Чудовишный вердикт ставит вас вне закона, вас и всех тех, кто защищает ваше дело. Рабочие, будьте бдительны»⁴⁷. Марсель Кашен писал в «Юманите», что социалистическая партия не будет сейчас заниматься разбором аргументов адвоката Зеваэса, ренегата социалистической партии, аморальные качества которого давно осуждены партией и всеми честными людьми. «Но присяжные! Присяжные из парижской буржуазии, которые объявили убийцу невиновным, какое имеет значение этот жалкий жест?»⁴⁸.

Виллен после своего оправдания укрылся в маленьком городе Осер, где после эвакуации жил его отец. Когда присутствие Виллена получило огласку, начались манифестации в знак протеста против пребывания там Виллена, и Виллен был изгнан из города. Дальнейшая судьба Виллена такова. В начале 20-х годов он жил в г. Данциге, где околачивался в казино, у рулетки; играл маленькими ставками, очень расчетливо. Затем перебрался в Париж, где занимается мелкими делами по коммерческой части. Жил главным образом на средства, которыми его снабжала реакционная организация «Аксьон франсез». В Париже Виллен чувствовал себя очень уютно, он жаловался: «Не люблю парижских пригородов. Всюду проспект или улица Жореса!» Позднее Виллен уехал из Франции и поселился на одном из испанских островов, где занимался рыбной ловлей. Погиб он в ходе испанской гражданской войны, пав под пулями республиканцев-антифашистов. Такова судьба этого презренного, ничтожного человека, совершившего тягчайшее злодеяние, судьба жалкая и позорная*.

⁴⁷ Ibid., p. 436.

⁴⁸ Ibid., p. 428. См. также М. Торез. Избранные произведения Т. 1. М. 1959; Ж. Дюкло. Избранные произведения. Тт. 1—2. М. 1959; F. Gouttenoire Toury. Jaurès et le parti de la guerre. P. 1922; L. Lévy-Bruhl. J. Jaurès. P. 1924; J. Feuillard. Jaurès. P. 1948; G. Tétard. Essais sur J. Jaurès. Colombes, 1959.

* Данный очерк, отражающий лишь наиболее существенные моменты судебного процесса над убийцей Жореса, составляет часть монографии, подготовленной автором к печати для издательства «Юридическая литература».